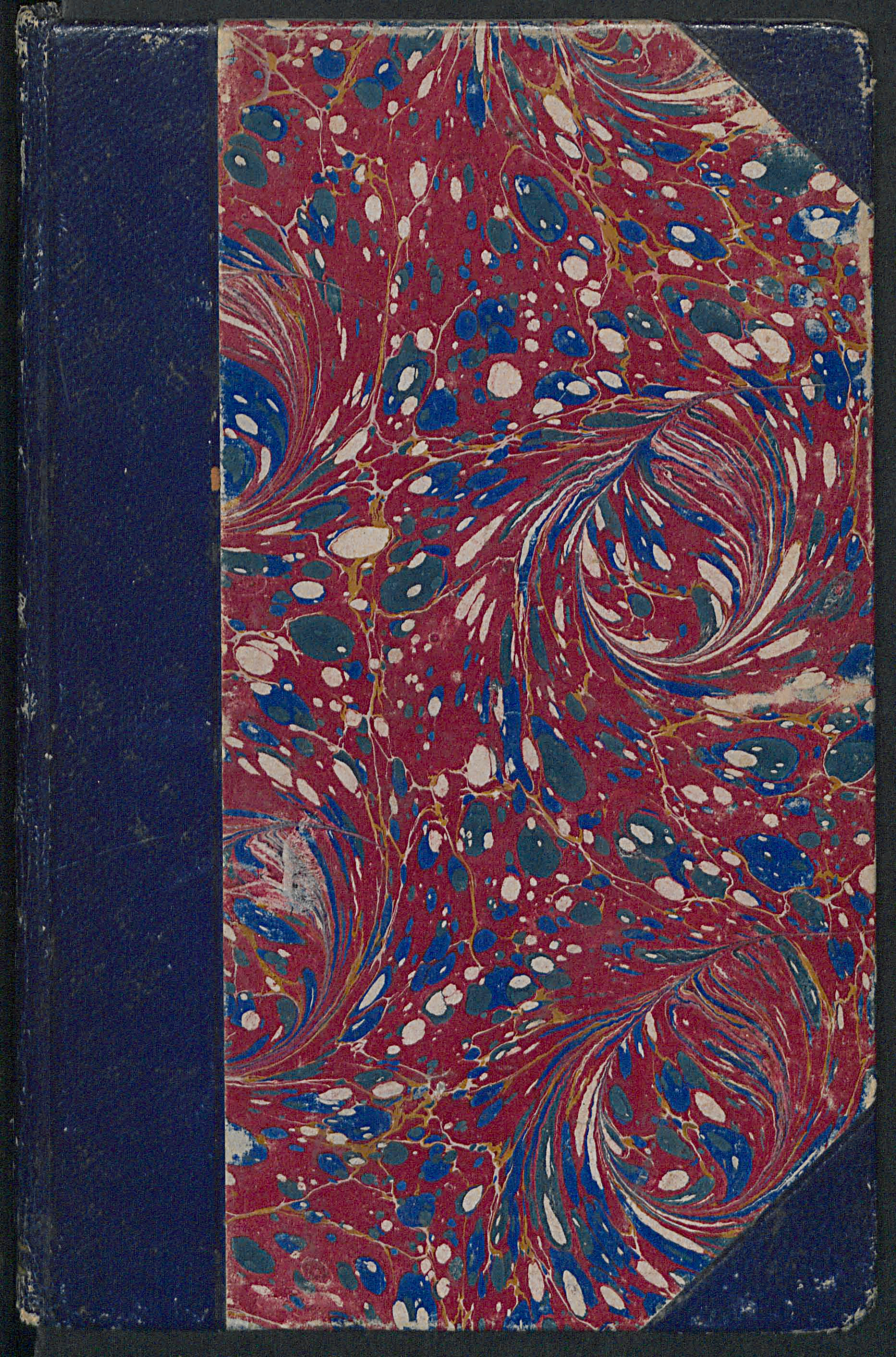
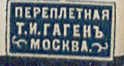

ПЕРЕПЛЕТНАЯ
Т. И. ГАГЕНЪ
МОСКВА.

МК

САТИРИЧЕСКІЯ

И

ФИЛОСОФИЧЕСКІЯ

СОЧИНЕНІЯ

ГОСПОДИНА ВОЛТЕРА.

ИждивеніемЪ Н. Новикова и Компаніи.

ВЪ МОСКВѢ,
ВЪ Университетской Типографіи,
у Н. Новикова, 1784 года.

ОДОБРЕНІЕ.

По приказанію Императорскаго Московскаго Университета Господъ Кураторовъ я читалъ книгу подъ заглавіемъ: Сатирическія и Философическія сочиненія, *и не нашелъ въ нихъ ничего противнаго наставленію, данному мнѣ о разсматриваніи печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ; почему оныя и напечатаны быть могутъ. Коллежскій Совѣтникъ, Краснорѣчія Профессоръ и Ценсоръ печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ,*

Антонъ Барсовъ.

I.

Историческая похвала разуму.

Государи мои! *Эразмъ* сочинилъ въ шестомнадесять столѣтіи похвалу дурачеству, вы же приказываете мнѣ превознесть предъ вами разумъ. Въ самомъ дѣлѣ оный не прежде вошелъ въ почтеніе, какъ чрезъ двѣсти лѣтъ послѣ своей непріятельницы, индѣ же и гораздо позже; а есть народы, которые его и поднесь еще не видали.

Во времена нашихъ Друидовъ онъ столько былъ намъ неизвѣстенъ, что даже наименованія себѣ не имѣлъ на нашемъ языкѣ. *Кесарь* не только что не принесъ его ни въ Швейцарію, ни въ Отюнъ,

ни въ Парижъ, бывшій тогда селеніемъ рыболововъ, но и самъ его почти не зналъ.

Кесарь такое множество имѣлъ великихъ свойствъ, что разуму въ толпѣ оныхъ и мѣста не доставало. Сей великодушный безумецъ оставилъ опустошенную нашу страну, дабы итти опустошать собственную и получить двадцать три кинжальныя пораженія отъ другихъ двадцати трехъ знаменитыхъ безумцевъ, которые не лучше его были.

Сикамбръ *Клодвикъ*, или *Клописъ*, пришелъ около пяти сотъ лѣтъ послѣ того истребить народа нашего одну половину и покорить другую. Не слышно было о разумѣ ни въ его арміи, ни въ нещастныхъ нашихъ селеніяхъ, гдѣ одно только право сильнѣйшаго почиталось.

Дол-

Долгое время пресмыкались мы въ семъ ужасномъ и уничижительномъ невѣжествѣ; не извлекли насъ изъ онаго и крестовые походы. То было всеобщее безуміе, сколь ужасное и посмѣятельное, столь же и пагубное. Гнусное звѣрство гражданской и церковной войны, истребившей толикое число людей, коихъ нарѣчіе оканчивается на *окъ* и *укъ*, послѣдовало симъ дальнимъ походамъ. Разумъ не находилъ причины мѣшаться въ таковыхъ обстоятельствахъ. Въ Римѣ царствовала тогда политика; она Министрами у себя имѣла двухъ своихъ сестръ: лукавство и скупость. Невѣжество, лжеревность и неистовость, зрѣлися обтекающими по повелѣнію ея всю Европу, и повсюду нищета за ними слѣдовала. Разумъ и дочь его удалились въ пещеру; никто не зналъ, гдѣ была сія пещера; когдажъ бы о томъ

провѣдали, то конечно бы не преминули притти удавить отца и дочь.

Послѣ того, какъ Турки взяли Царьградъ и усугубили въ Европѣ ужасныя напасти, два, или три Грека, избѣгая оныхъ, попали въ сію пещеру, полумертвые отъ голода и боязни.

Разумъ принялъ ихъ благосклонно и представилъ имъ обѣдъ безъ различія мясъ (чего никогда они въ Константинополѣ не видали). Они получили отъ него нѣкоторыя весьма краткія наставленія; ибо разумъ не любитъ говорить пространно. Онъ заставилъ ихъ присягнуть, что никогда убѣжища ихъ не откроютъ. По семъ они отправились въ путь и по многомъ странствованіи прибыли ко Двору Карла V и Франциска I.

Тамъ

Тамъ ихъ приняли какъ нѣкіихъ пронырщиковъ, пришедшихъ проворствомъ своимъ забавлять праздность придворныхъ господъ и госпожъ въ междовременіи любовныхъ ихъ свиданій. Министры во время отдохновенія своего отъ многочисленныхъ дѣлъ удостоили ихъ своего воззрѣнія. Съ равномѣрною же благосклонностію приняты они были и отъ Императора, и Короля Французскаго, которые благоволили на нихъ взглянуть, идучи къ своимъ любовницамъ. Но они болѣе произвели успѣховъ въ небольшихъ городахъ, гдѣ нашли добренькихъ мѣщанъ, имѣвшихъ еще, не знаю какимъ то образомъ, нѣсколько искръ здраваго разсужденія.

Искры сіи погашены были во всей Европѣ опустошающими оную междоусобными войнами. Двѣ, или три искры разума не въ состоя-

нїи были освѣщать вселенную посреди горящихъ пламенниковъ и костровъ, кои лжеревностїю столько лѣтъ были возжигаемы: тогда разумъ и дочь его паче прежняго еще укрывались.

Ученики первыхъ ихъ проповѣдателей умолкли, выключая небольшаго оныхъ числа, которые довольно были неосторожны, чтобъ проповѣдывать о разумѣ безразсуднымъ образомъ, а притомъ и не во время. Сїе стоило имъ, подобно какъ *Сократу*, потерянїя жизни; но никто не обращалъ къ тому своего вниманїя. Ничего нѣтъ прискорбнѣе, какъ повѣшену быть безъ свидѣтелей. Варѳоломеевы дни, Ирландскїя смертоубїйства, Венгерскїя лобныя мѣста и убїенїя Королей, въ толикомъ были употребленїи, что не находили ни довольнаго времени, ниже довольныя смѣ-

смѣлости въ мысляхъ, дабы помышлять о небольшихъ злодѣйствахъ и скрытныхъ злощастіяхъ, потоплявшихъ весь міръ съ одного конца до другаго.

Разумъ, извѣстясь отъ нѣкоторыхъ изгнанниковъ, пришедшихъ въ его уединеніе, о всемъ томъ, что происходило, пораженъ былъ жалостію, хотя и не слишкомъ почитается чувствительнымъ. Истинна, будучи смѣлѣе своего родителя, ободрила его къ обозрѣнію всего свѣта для уврачеванія онаго. Они показались и увѣщавали; но столько нашли людей злонравныхъ, для прибытка своего имъ противорѣчившихъ, столько слабоумныхъ, предавшихъ себя изъ денегъ первымъ въ порабощеніе, столько хладнокровныхъ, занимавшихся только собою и настоящимъ временемъ и не помышлявшихъ ни о нихъ, ниже

о своихъ непріятеляхъ, что рѣшились паки возвратиться въ убѣжище свое.

Не взирая однако на то, нѣсколько зеренъ отъ оныхъ плодовъ, которые они обыкновенно носятъ при себѣ, и кои были отъ нихъ раздаваемы, не только что на земли прозябали, но даже и согнитію были непричастны.

Пришло имъ наконецъ желаніе путешествовать въ Римъ подъ другими именами, дабы не попасть въ Инквизицію. Прибывши въ оный, явились они прежде къ повару Папы *Ганганеллія Климента* XIV. Извѣстно имъ было, что во всемъ Римѣ ни одинъ поваръ не былъ менѣе его занятъ. Можно также сказать, что онъ, изключая вашихъ, государи мои, духовниковъ, въ ремеслѣ своемъ болѣе всѣхъ имѣлъ празднаго времени.

Сей

Сей добрый человѣкъ, насытя двухъ путешественниковъ столь же простою пищею, каковая и самимъ Папою употреблялась, проводилъ ихъ къ Его Святѣйшеству, котораго они застали въ чтенiи мыслей *Марка Аврелiя*. Папа позналъ личины, и не взирая на важность своего сана, обнялъ ихъ дружественно. Дорогiе гости, сказалъ онъ имъ! естьли бы мнѣ было извѣстно, что вы на земли пребываете, то я предупредилъ бы васъ моимъ посѣщенiемъ.

По взаимныхъ привѣтствiяхъ, начали говорить о дѣлахъ. На другой день послѣ того Папа уничтожилъ грамоту *in coena Domini*, одинъ изъ величайшихъ памятниковъ человѣческаго безумiя, посрамлявшiй толь долгое время всѣхъ Государей. На третiй день искоренилъ общество *Гарраса*, *Гинарда*, *Гар-*

Гарнета, *Бузембаума*, *Малагриды*, *Поллїана*, *Патуллъета* и *Ноннота*, при чемъ Европа восплескала. На четвертый же уменьшилъ налоги, возбуждавшїе народъ къ ропщанїю. Онъ ободрилъ земледѣлїе и всякїя художества, и прїобрѣлъ себѣ любовь отъ всѣхъ тѣхъ, кои сану его почитались врагами. Тогда въ Римѣ можно было сказать, что во всей вселенной одинъ народъ и одна вѣра.

Два путешественника, будучи весьма довольны и удивлены, приняли отъ Папы отпускъ, и получили отъ него въ подарокъ не агнца и не мощи, но добрую почтовую коляску для продолженїя имъ своего странствованїя. До сего времени разумъ и истинна не имѣли привычки толикими пользоваться выгодами.

Они

Они объѣхали всю Италію, и весьма были удивлены, нашедши въ оной между всѣми Князьями отъ Пармы до самаго Турина вмѣсто Махіавелевой науки похвальное соревнованіе въ приведеніи подданныхъ своихъ въ изобильнѣйшее и щастливѣйшее состояніе, и въ исправленіи ихъ нравовъ.

Любезная дочь, говорилъ разумъ истиннѣ! конечно наступило теперь наше царствованіе. Да и не мудрено оному возвратиться послѣ толь долговременнаго нашего заключенія. Чаятельно, что кто нибудь изъ прорекателей, приходившихъ насъ посѣтить въ нашей пещерѣ, имѣлъ довольно силы въ словахъ и поступкахъ, чтобъ лице земли премѣнить таковымъ образомъ. Ты видишь, все идетъ медлительно. Надлежало проходить сквозь мракъ невѣжества и лжи, чтобъ достигнуть

гнуть до свѣтозарнаго твоего чертога, изъ коего ты столько уже вѣковъ со мною изгнана была. Съ нами тоже случится, что и съ природою: она покрыта была грубою завѣсою и чрезъ безчисленные вѣки находилась обезображенною. Родились *Галилей*, *Коперникъ* и *Нептонъ*, которые показали ее почти обнаженною, и сдѣлали то, что смертные въ нее влюбились.

Разговаривая такимъ образомъ, прибыли они въ Венецію. Въ оной ничего они съ толикимъ вниманіемъ не разсматривали, какъ Прокурора церкви С. Марка. Онъ, имѣя въ рукахъ большія ножницы, стоялъ предъ столомъ, на которомъ расkладены были обрѣзанные у птицъ носы, когти и черныя перья. — Ахъ! возгласилъ разумъ: *Lustrissimo signor*. Да проститъ меня Богъ! Мнѣ кажется, что сіи ножницы

поч-

точно одни изъ принесенныхъ мною въ пещеру, когда я переселился въ нее съ моею дочерью. Какимъ образомъ вы оныя получили и къ чему ихъ употребляете? — *Lustrissimo signor*, отвѣтствовалъ ему Прокуроръ; можетъ статься, что сіи ножницы нѣкогда вамъ и принадлежали, но уже давно тому, какъ принесъ оныя къ намъ нѣкто по имени Фра-Паоло, и мы употребляемъ ихъ для обрѣзыванія у Инквизиціи когтей, кои, какъ вы видите, наономъ столѣ раскладены.

Сіи перья принадлежали Гарпіямъ, пожиравшимъ республиканскую трапезу. Мы ежедневно обрѣзываемъ у нихъ носы и когти; безъ сихъ же предосторожностей онѣ бы все у насъ поглотили, и не осталось бы ничего ни для Сената, ни для мудрецовъ, ни для гражданъ.

Есть-

Естьли вы поѣдете чрезъ Францію, то найдете, можетъ статься, остальныя ваши ножницы въ Парижѣ у Испанскаго Министра, который къ тому же, что и мы, въ отечествѣ своемъ ихъ употребляетъ, и который отъ рода человѣческаго будетъ со временемъ благословляемъ.

Путешественники, посмотря Венеціянскую оперу, отправились въ Нѣмецкую землю. Они съ удовольствіемъ увидѣли сію страну, заросшую во времена Карла V дремучимъ лѣсомъ и раздѣлявшуюся одними только болотами, нынѣ же покрытую цвѣтущими и въ мирѣ пребывающими градами; населенную Князьями, доселѣ бѣдными и непросвѣщенными, нынѣ же снисходительными и великодушными; имѣвшую въ древнія времена священнослужителями одних только

ко

ко обавателей, закалавшихъ тогда людей на грубо изсѣченныхъ дикихъ камняхъ, и обагрявшуюся напослѣдокъ собственною кровію, дабы достовѣрно узнать, подлинно ли такая вещь *in*, *cum*, *ſub*, или нѣтъ? нынѣ же пріявшую въ нѣдра свои три противныя другъ другу вѣры, удивляющіяся мирному своему сожитію. — Благодареніе Всевышнему, сказалъ разумъ! сіи люди обратились наконецъ ко мнѣ чрезъ собственное свое безуміе.

Препроводили ихъ къ Императрицѣ, которая была болѣе, нежели велика; ибо она была благотворительна. Путешественники столько были ею довольны, что они не замѣчали уже нѣкоторыхъ чудныхъ для нихъ обыкновеній, но оба восхищались Императоромъ, ея сыномъ.

Удивленіе ихъ усугубилось, когда прибыли въ Швецію. — Какая, говорили они, толь трудная и толь скоропостижная премѣна, толь опасная и толь благополучная! Какъ! съ самаго знатнаго сего произшествія не протекаетъ ни одинъ день, который бы не былъ ознаменованъ новымъ благотвореніемъ, и все сіе произведено въ такія лѣта, кои толь рѣдко согласны бываютъ съ разумомъ. Коликожъ мы благополучны, что оставили наше убѣжище въ такое время, когда сіе произшествіе поражало удивленіемъ всю Европу!

Оттолѣ они съ поспѣшностію проѣхали въ Польшу. — Ахъ какое противорѣчіе, возопила истинна! мнѣ уже приходитъ желаніе возвратиться въ мою пещеру. Вотъ самое то, что называется попирать полезнѣйшую часть человѣческаго рода, и такъ поступать

съ

съ земледѣльцами, какъ они не поступаютъ даже съ рабочими своими скотами! Сіе смѣшеніе безначальства могло ли бы иначе и поправиться, какъ не чрезъ совершенное свое паденіе? Сіе довольно ясно предсказано. Я сожалѣю о добродѣтельномъ, премудромъ и человѣколюбивомъ Монархѣ, и смѣло надѣюсь, что онъ будетъ благополученъ, судя по тому, что уже и прочіе Цари начинаютъ быть таковыми, и что просвѣщеніе твое время отъ времени ближе подходитъ.

Поѣдемъ увидѣть еще болѣе успѣшное и удивительное преображеніе; поѣдемъ въ сію безпредѣльную Иперборейскую страну, бывшую за восемьдесятъ лѣтъ до сего обиталищемъ невѣждъ, нынѣ же населенную толико просвѣщеннымъ и непобѣдимымъ народомъ;

 по-

поѣдемъ насладиться лицезрѣніемъ Той, которая довершила новое сіе чудотвореніе .... Они прискакали въ сію страну, и признались, что не довольно имъ оную превозносили.

Они не преставали удивляться, колико свѣтъ премѣнился въ толь краткое время. Изъ чего и заключили, что можетъ статься Хилія и полуденныя страны будутъ со временемъ средоточіемъ вѣжливости и изящнаго вкуса, и что для поученія, какимъ образомъ должно жить, потребно уже будетъ отправиться къ Антарктическому полюсу.

Пріѣхавъ въ Англію, истинна сказала своему родителю: мнѣ кажется, что сей народъ не одинаковымъ съ другими одаренъ благополучіемъ. Онъ былъ болѣе безуменъ,

уменъ, болѣе прилѣпленъ къ слѣповѣрію, болѣе свирѣпъ и нещастливъ, нежели всѣ тѣ, кои мнѣ суть извѣстны; а теперь онъ составилъ единое правленіе, въ которомъ все то сохранено, что единоначаліе имѣетъ въ себѣ полезнаго, а республика нужнаго: онъ превосходенъ въ военномъ искусствѣ, въ законахъ, художествахъ и торговлѣ. Я вижу его безпокоящагося Сѣверною только Америкою, пріобрѣтенною имъ на концѣ свѣта, и прекраснѣйшими Индѣйскими провинціями, на другомъ краю имъ покоренными. Какимъ образомъ возможетъ онъ сносить сіи два бремя его благоденствія? — Справедливо, что бремя тягостное, сказалъ разумъ, но стоитъ только ему повиноваться моимъ совѣтамъ, то и найдутся такія подпоры, которыя содѣлаютъ оное весьма легкимъ.

Разумъ и истинна поѣхали наконецъ чрезъ Францію. Они уже и прежде въ оную появлялись, но были изгоняемы. — Памятно ли тебѣ, говорила истинна своему родителю, чрезмѣрное наше желаніе поселиться между Французами въ прекрасныя времена Лудовика XIV? Но безумныя прѣнія Iезуитовъ и Янсенистовъ вскорѣ заставили насъ удалиться. Не возвратили насъ и народныя безпрестанныя жалобы. Теперь я слышу восклицанія двапцати милiоновъ людей, благодарящихъ небо. Одни говорятъ: *Сіе произшествіе тѣмъ большую причиняетъ намъ радость, что мы ничего за оную не платимъ.* Другіе вопіютъ: *Роскошь есть ничто иное, какъ суетность. Двойныя должности, излишніе расходы, чрезмѣрныя лихвы будутъ отрѣшены.* И хорошо сдѣлаютъ. — *Всякій новый налогъ будетъ уничтоженъ,*

женъ. Сіе несправедливо; ибо потребно, чтобъ каждый въ особенности гражданинъ платилъ за всеобщее благоденствіе.

Законы будутъ единообразны. Ничего нѣтъ желательнѣе, а притомъ и труднѣе сего. *Работающимъ бѣднякамъ, наипачежъ недостаточнымъ Офицерамъ, отданы будутъ безчисленныя богатства нѣкіихъ тунеядцевъ, которые обѣтъ нищеты на себя наложили. Сіи поработившіеся люди не будутъ сами имѣть порабощенныхъ имъ невольниковъ. Не увидятъ болѣе монастырскихъ привратниковъ, изгоняющихъ сиротъ изъ родительскаго дому для обогащенія имѣніемъ ихъ монастыря, пользующагося правами господства, кои суть права древнихъ завоевателей. Не увидятъ болѣе цѣлыхъ семействъ, просящихъ безплодно милостины*

 при

при вратахъ обиравшаго ихъ монастыря. — Ничто толико не достойно великаго Государя, какъ сіе узаконеніе. Король Сардинскій упразднилъ уже въ своихъ областяхъ гнусное сіе злоупотребленіе. Да благоволитъ небо, чтобъ оное и во Франціи было прекращено!

Не слышишь ли, родитель мой, повторяемыя сіи слова: *Супружества ста тысячъ полезныхъ государству семействъ не будутъ болѣе щитаться прелюбодѣйственными, и раждающіяся отъ оныхъ дѣти не объявятся уже по закону побочными?* — Природа, правосудіе и ты, о мой родитель! все требуетъ на оный важный предметъ премудраго установленія, которое бы согласовалось со благосостояніемъ государства и съ правами всѣхъ человѣковъ.

Зва-

Знаніе поина толико содѣлаютъ почтеннымъ, что не будутъ впредъ укрываться отъ службы. — Дѣло возможное, но не безтрудное.

Маловажныя погрѣшности не будутъ подлежать равному съ большими преступленіями наказанію; ибо должно по всемъ наблюдать мѣру. Немилосердый законъ, неясно предложенный и худо разтолкованный, не будетъ болѣе погублять огнемъ и желѣзными перекладами, подобно какъ бы за отцеубійство, нескромныхъ и безразсудныхъ юношей. Сіе долженствовалобъ быть первѣйшею въ уголовныхъ судахъ аксіомою.

Отцовское имущество описываемо не будетъ; поколику дѣти не должны умирать съ гладу за проступки своего родителя, и Ко-

роль не имѣетъ въ толико презрительной описи ни малѣйшія надобности. — Прекрасно! и сіе достойно есть великодушнаго Государя.

Пытка, изобрѣтенная нѣкогда разбойниками для принужденія грабимыхъ ими людей къ признанію, сколько они имѣютъ денегъ, и употребляемая нынѣ въ весьма немногихъ государствахъ для спасенія терпѣливыхъ преступниковъ и погубленія слабыхъ тѣломъ и умомъ невинныхъ, употребляема будетъ въ случаѣ только оскорбленія общества въ высочайшей степени, и то только ради того, дабы открыть заговорщиковъ. Но таковыхъ преступленій никогда не увидятъ. — Не льзя лучше! Вотъ слышимыя повсюду мною желанія! И я, какъ *истинна*, внесу всѣ сіи знатныя перемѣны въ мои лѣтописи.

писи. Я еще слышу раздающіяся окрестъ меня во всѣхъ судебныхъ мѣстахъ сіи примѣчательныя слова: *Мы никогда не предложимъ о двухъ властяхъ; поколику двѣ власти не могутъ купно существовать. Власть Королевская, или законная, въ монархіи; а власть народная въ республикѣ. Божественная же власть толико отличнаго и превосходнаго есть свойства, что не должно оную оскорблять чрезъ уничижительное смѣшеніе со свѣтскими узаконеніями. Неопредѣленное не можетъ соединиться съ опредѣленнымъ. Григорій VII былъ первый, осмѣлившійся призывать безконечное, или неограниченное въ помощь, во время неслыханныхъ дотолѣ раздоровъ съ Генрихомъ IV, который былъ весьма ограниченъ. Европа долгое время окровавляема была сими раздорами; но раздѣлили наконецъ*

сіи

сіи два почтенныя существа, которыя ничего общаго не имѣютъ. И сіе есть единое средство, дабы пребывать въ спокойствіи.

Слова сіи, произносимыя исполнителями законовъ, кажутся весьма основательны. Извѣстно мнѣ, что не признаютъ двухъ властей совокупно ни въ Китаѣ, ни въ Индіи, ни въ Персіи, ни въ Константинополѣ, ни въ Москвѣ, ни въ Лондонѣ и пр... Но я къ тебѣ, родитель мой, обращаюсь: я стану писать только то, что отъ тебя услышу. —

Дочь моя! отвѣтствовалъ ей разумъ: ты довольно чувствуешь, что я сего же самаго, да сверьхъ того и еще многагo желаю. Все сіе требуетъ времени и размышленія. Я всегда былъ доволенъ, когда въ печаляхъ моихъ получалъ половину жела-

желаемыхъ мною отрадъ, и теперь почитаю себя крайнѣ благополучнымъ.

Помнишь ли ты о томъ времени, въ которое земные обладатели, пребывая въ глубокомъ мирѣ, занимались одними только притчами, и когда прекрасная Савская Царица пріѣзжала задавать *Соломону* логогрифы? — Такъ, родитель мой, то было прекраснѣйшее время; но оно не продолжалось. — То что же о томъ сожалѣть? пресѣкъ рѣчь ея разумъ: настоящее несравненно есть превосходнѣе. Тогда старались показывать немного только остроумія, напротивъ того я вижу, что уже лѣтъ десять, или двенатцать тому, какъ прилѣпились въ Европѣ къ художествамъ и нужнѣйшимъ добродѣтелямъ, услаждающимъ горесть жизни. Кажется, будто всѣ условились раз-

су-

суждать съ большею основательностію, нежели какъ во многія тысячи вѣковъ разсуждали. Ты, которая всегда говоришь правду, скажи мнѣ, которое бы ты время избрала, или предпочла настоящему, дабы поселиться во Франціи?

Про меня, родитель мой, говорятъ, отвѣтствовала дочь, что я всѣмъ людямъ, съ которыми находилась, любила говорить нѣсколько грубо; но извѣстно тебѣ, что они сами меня къ тому принуждали. Со всѣмъ тѣмъ признаюсь, что я въ досаду многимъ сочинителямъ, похваляющимъ одно только прошедшее время, ничего, кромѣ добраго, не могу сказать о настоящемъ.

Я должна увѣдомить потомство, что въ нынѣшнемъ-то вѣкѣ научились охранять себя отъ ужасной и смертельной болѣзни,

и

и подвергаясь оной самопроизвольно, содѣлывать ее не столь бѣдственною, возвращать жизнь утопшимъ, управлять громомъ и отражать его, и замѣнять неподвижную точку, которую тщетно бы стали искать отъ запада до востока. Чтожъ касается до нравоученія, то въ ономъ еще вящшіе оказаны успѣхи: нынѣ осмѣлились требовать отъ правосудія удовольствіе на законы, осудившіе на казнь добродѣтель. И сіе удовольствіе бывало иногда получаемо. Наконецъ отважились произнесть слово *терпимость* (*Tolerence*).

И такъ, дражайшая моя дочь, сказалъ разумъ, будемъ наслаждаться симъ прекраснымъ временемъ, останемся здѣсь, когда оное продолжится; естьли же настанетъ неспокойствіе, то скроемся паки въ нашу пещеру.

II.
Похожденіе памяти.

Мыслящій человѣческій родъ, т. е. не больше, какъ стотысящная часть человѣческаго рода, давно уже думала, или по меньшей мѣрѣ повторяла, что мы чрезъ одни только чувства получаемъ понятія (Idee), и что память есть одно только орудіе, чрезъ которое можемъ мы совокуплять два понятія и два слова.

Сего ради Юпитеръ, представляя природу, влюбился въ *Мнемозису*, богиню памяти, съ первой минуты какъ ее увидѣлъ, отъ котораго союза и родились девять музъ, изобрѣтательницы всѣхъ художествъ.

Сіе ученіе, на которомъ основаны суть всѣ наши познанія, удосто-

споено было всеобщаго принятія; и самый *Нонсобрѣ*, не смотря на справедливость онаго, повиновался ему съ самаго своего рожденія.

Нѣсколько времени спустя послѣ того явился умствователь, половина геометръ и половина мечтатель, который, возставши противу пяти чувствъ и памяти, говорилъ небольшому числу мыслящаго человѣческаго рода: вы доселѣ обманывались; ибо чувства ваши суть безполезны; ибо вы имѣли понятія, прежде нежели которое либо изъ вашихъ чувствъ могло дѣйствовать; ибо вы при самомъ своемъ рожденіи имѣли уже всѣ нужныя познанія. Вы хотя никогда ничего не чувствовали, но уже обо всемъ знали. Всѣ ваши рожденныя съ вами понятія имѣли и безъ помощи памяти нѣкоторый союзъ съ вашимъ вразумленіемъ,

ніемъ, которое называютъ *душею*. Слѣдовательно сія память ни къ чему не нужна.

Нонсобръ опровергалъ сіе предложеніе не для того, что оное было смѣшно, но для того, что казалось еще новымъ, не смотря однако на то, когда напослѣдокъ нѣкоторый Агличанинъ началъ доказывать и притомъ весьма пространнымъ образомъ, что совсѣмъ нѣтъ врожденныхъ понятій; что ничто столько не нужно, какъ пять чувствъ, и что память весьма много способствуетъ къ удержанію вещей, посредствомъ пяти чувствъ постигаемыхъ. *Нонсобръ* началъ опровергать собственныя свои мысли, за тѣмъ что и Агличанинъ подобныя же сталъ имѣть; въ слѣдствіе чего онъ повелѣлъ роду человѣческому послѣдовать впредь врожденнымъ понятіямъ, и не вѣрить

бо-

болѣе ни пяти чувствамъ, ни памяти. Человѣческій родъ вмѣсто того, чтобъ оказать свое повиновеніе, смѣялся только *Нонсобру*. Сей же въ такой пришелъ гнѣвъ, что хотѣлъ было сжечь философа; ибо философъ говорилъ: не возможно имѣть совершеннаго понятія о сырѣ, не видавши онаго и не отвѣдавъ; сверьхъ же того преступникъ сей осмѣлился утверждать, что мущины и женщины никогда бы не могли вышивать ковры, естьли бы не имѣли иголъ и перстовъ.

Ліолисты въ первый еще разъ отъ своего рожденія къ *Нонсобру* присоединились; а къ нимъ пристали на короткое время и Янсенисты, смертельные враги *Ліолистовъ*. Они въ помощь къ себѣ призвали древнихъ Дикастериковъ, которые были великіе философы, и всѣ совокупно

купно изгнали память и пять чувствъ, равно какъ и похвалявшаго оныхъ философа.

При изреченіи сими господами приговора случилось быть коню, который хотя и другаго былъ рода, и хотя многія между ими находились несходства, какъ-то въ ростѣ, въ головѣ, въ длинѣ гривъ и ушей, однако имѣлъ разумъ и пять чувствъ. Онъ увѣдомилъ нѣкогда о всемъ томъ въ конюшнѣ моей Пегаса, а сей разсказалъ оную исторію Музамъ съ обыкновенною своею живостію.

Музы, которыя около ста лѣтъ благодѣтельствовали сей погружавшейся долгое время въ невѣжествѣ странѣ, гдѣ оное приключеніе происходило, были весьма тѣмъ оскорблены. Онѣ нѣжно любили мать свою *память*, или Мнемозису, которой сіи девять сестръ обязаны

всемъ

всемъ своимъ знанїемъ. Онѣ не писали сатиръ на древнихъ Дикастериковъ, Ліолистовъ, Янсенистовъ и *Нонсобра*: поколику сатиры людей не исправляютъ, а только что раздражаютъ безумцевъ и содѣлываютъ ихъ еще злѣйшими; но вздумали просвѣтить ихъ посредствомъ наказанія. Человѣки порицали память, чего ради и лишили ихъ сего небеснаго дара, дабы они хотя единождды возчувствовали, каково безъ помощи онаго жить.

Такимъ образомъ въ самую полночь толикая въ мозгу всѣхъ людей сдѣлалась тягость, что всѣ они наутріе проснулись безъ малѣйшаго о прошедшемъ воспоминанія. Нѣкоторые Дикастерики, покоившіеся со своими супругами, хотѣли было по остатку независящаго отъ памяти побужденія къ нимъ подвинуться, но супру-

 ги,

ги, имѣвшія весьма рѣдко побужденіе обнимать своихъ мужей, непріятныя ихъ ласки съ грубостію отвергнули. Мужья сердились, жены вопили, и почти во всѣхъ семействахъ доходило до драки.

Господа, нашедши четвероугольные колпаки, употребляли оные для нѣкоторыхъ надобностей, отъ которыхъ ни память, ниже здравый разсудокъ освободить не въ состояніи. Госпожи для таковыхъ же надобностей употребляли банки, къ уборнымъ столикамъ ихъ принадлежавшія. Служители, забывши заключенные съ господами своими договоры, вошли въ ихъ покои, не вѣдая и сами, гдѣ они находились. Но какъ человѣкъ сотворенъ любопытнымъ, они открыли всѣ выдвижные ящики; и поелику человѣкъ отъ природы любитъ блескъ золота и серебра,

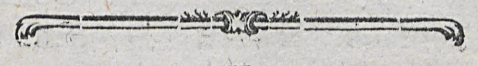
не находя къ тому нужды и въ памяти, то они и забрали все, что въ руки имъ ни попалось. Господа хотѣли было кричать *воры*! но какъ понятіе о ворѣ изъ мозга ихъ вышло, то и слово сіе не могло попасть имъ на языкъ. Каждый, забывъ природное свое нарѣчіе (Idiome), изпускалъ только нестройный голосъ. Тогда большее видимо было смятеніе, нежели какъ при Вавилонскомъ столпотвореніи, гдѣ каждый въ минуту изобрѣталъ новый языкъ. Врожденное въ чувствахъ молодыхъ слугъ притяженіе къ пригожимъ женщинамъ стало толь сильно дѣйствовать, что оные невѣжды съ наглостію бросались на первыхъ встрѣчавшихся съ ними женъ, или дѣвокъ, не разбирая ихъ званія и состоянія; а сіи, не помня болѣе о правилахъ цѣломудрія, допускали ихъ поступать по своей волѣ.

Надлежало обѣдать. Никто не зналъ, какимъ образомъ къ тому приступить; никто не былъ на рынкѣ ни для продажи, ни для покупки. Служители надѣли на себя господское платье, а господа одѣлись въ кафтаны своихъ служителей. Всѣ казались безумными. Имѣвшіе болѣе ума для промышленія себѣ нужнаго, [то были люди послѣдней степени] немного пищи себѣ достали; прочіе же во всемъ терпѣли недостатокъ. Первый Президентъ и Епископъ ходили обнаженными; а изъ конюховъ ихъ одни въ красныхъ мантіяхъ, а другіе въ Далматическихъ одеждахъ щеголяли. Все было въ разстройкѣ, все клонилось къ погибели, по причинѣ нищеты и голода, произшедшихъ отъ недостатка въ разумѣніи.

Чрезъ нѣсколько дней послѣ сего Музы почувствовали къ сему бѣд-

бѣдному роду сожалѣніе. Онѣ хотя и поражаютъ иногда злонравныхъ людей своихъ гнѣвомъ, однакожъ милосерды. И такъ онѣ стали мать свою просить о возвращеніи симъ богохульникамъ памяти, которой она ихъ лишила. *Мнемозиса* спустилась къ жилищу своихъ враговъ, гдѣ съ толикимъ дерзновеніемъ была порицаема, и говорила имъ сіи слова:

Слабоумные! я васъ прощаю; но только помните впредь, что не имѣя чувствъ, не имѣютъ и памяти, а безъ оныя нѣтъ и разума.

III.

Разговоръ Перикла съ Грекомъ нынѣшняго времени и Россіяниномъ.

Периклъ. Мнѣ нужно сдѣлать тебѣ нѣсколько вопросовъ: *Миносъ* сказывалъ мнѣ, что ты Грекъ.

Грекъ. Миносъ правду сказалъ: я былъ покорнѣйшій рабъ свѣтлѣйшія Порты.

Periклъ. Что ты о рабствѣ говоришь? Грекъ рабомъ!

Грекъ. Чѣмъ же быть Греку, какъ не рабомъ?

Россіянинъ. Онъ правъ: Грекъ и рабъ это одно.

Периклъ. Праведное небо! сколь мнѣ жалки бѣдные мои сограждане!

Грекъ. Они не столь жалки, какъ ты воображаешь; чтожъ касается до меня, я былъ нарочито состояніемъ моимъ доволенъ: я пахалъ небольшой уголокъ земли, которую Румелискій Паша благоволилъ мнѣ пожаловать, и платилъ за оную дань Его Величеству.

Периклъ. Дань! это также новое слово въ устахъ Грека. Но скажи мнѣ, въ чемъ состоялъ сей уничижительный знакъ раболѣпства?

Грекъ.

Грекъ. Я платилъ часть плодовъ, получаемыхъ мною отъ моей работы, отдалъ старшаго изъ сыновей и прекраснѣйшую изъ дочерей моихъ.

Периклъ. Какъ, подлецъ! ты предавалъ неволѣ собственныхъ чадъ своихъ? Бывало ли когда подобное сему во времена *Мильтіада*, *Аристида* и *Ѳемистокла*?

Грекъ. Вотъ имена, о коихъ въ первый еще разъ отъ рожденія моего слышу! Не были ли когда оные люди Бостанжами, Капиджи-Башами, или Пашами трехбунчужными?

Периклъ. Что это за странныя и варварскія имена, толь противныя моему слуху? Конечно я вступилъ въ разговоръ съ какимъ либо грубымъ Беотійскимъ жителемъ, или слабоумнымъ Спартанцемъ. [*Къ Греку.*]

ку.] Ты безъ сомнѣнія слыхалъ о *Периклѣ*?

Грекъ. О *Периклѣ*? Никогда... Но постой... не имя ли то славнаго пустынника?

Периклъ. Кто такой оный пустынникъ? Не былъ ли онъ первою въ государствѣ особою?

Грекъ. Что за вздоръ! оные люди никакого не имѣютъ сношенія съ государствомъ, равно какъ и оно съ ними.

Периклъ. Какимъ же образомъ сей пустынникъ пріобрѣлъ себѣ славу? Развѣ онъ, подобно мнѣ, отличалъ себя на браняхъ и покорялъ страны подъ власть своего отечества? Развѣ онъ воздвигнулъ богамъ какіе либо огромные памятники и завелъ полезныя для общества учрежденія? Развѣ онъ покровительствовалъ наукамъ и ободрялъ дарованія?

Грекъ.

Грекъ. Нѣтъ, этотъ человѣкъ, о которомъ я хочу говорить, не умѣлъ ни читать, ни писать; онъ жилъ въ хижинѣ и питался кореньями; ежедневное же его упражненіе состояло въ томъ, что онъ бичемъ царапалъ свои плеча, посвящалъ Богу свои бичеванія, бдѣніе, посты и невѣжество.

Периклъ. Не ужъ ли ты думаешь, что слава сего пустынника можетъ сравниться съ моею?

Грекъ. Всеконечно; мы, Греки, почитаемъ память его болѣе, нежели чью другую.

Периклъ. О судьба!... Но скажи мнѣ, сохраняется ли нынѣ въ Аѳинахъ почтеніе къ моему имени, въ семъ городѣ, въ который я ввелъ изящный вкусъ и великолѣпіе?

Грекъ. Я объ этомъ ничего тебѣ сказать не могу. Я жилъ въ нѣкоторомъ мѣстечкѣ, называющемся

щемся *Сетины*; это изъ развалинъ состоящая маленькая и бѣдная деревнишка, которая, сказываютъ, была нѣкогда великолѣпнымъ городомъ.

Периклъ. И такъ ты столько же мало знаешь славный и великолѣпный городъ Аѳины, какъ и имена *Ѳемистокла* и *Перикла*? Видно, что ты жилъ въ какомъ либо глухомъ мѣстѣ, или въ такомъ уголкѣ, которой Греціи не извѣстенъ.

Россіянинъ. Отнюдь нѣтъ; онъ жилъ въ самыхъ *Аѳинахъ*.

Периклъ. Какъ! онъ жилъ въ Аѳинахъ и не знаетъ меня? Онъ не вѣдаетъ даже и наименованія сему славному городу?

Россіянинъ. Тысяча людей обитаютъ нынѣ въ Аѳинахъ, и не болѣе его о томъ знаютъ. Сія стра-

страна, бывшая въ древности толь надмѣнною и изобильною, нынѣ ничто иное, какъ бѣдное и презрѣнное мѣстечко, называемое *Сетины*.

Периклъ. Могу ли я вѣрить словамъ твоимъ?

Россіянинъ. Таково есть слѣдствіе наглости временъ и варварскихъ набѣговъ, разрушающихъ еще болѣе, нежели и самое время.

Периклъ. Мнѣ довольно извѣстно, что потомки Александровы Грецію покорили, но развѣ Римъ не возвратилъ ей свободу? Я не дерзаю распространять моего любопытства, страшась, дабы не услышать, что отечество мое паки въ неволѣ.

Россіянинъ. Оно съ того времени многократно перемѣняло Государей. Въ продолженіи нѣсколь-

кихъ

кихъ періодовъ Греція раздѣляла съ Римлянами владычество надъ цѣлымъ міромъ; однако сіи соединенныя власти не могли онаго сохранить. — Но чтобъ говорить объ одной только Греціи, скажу тебѣ, что она порабощена была прежде игу Французовъ, потомъ Венеціянъ, а напослѣдокъ Турковъ.

Периклъ. Вотъ три варварскія племена, которыя совершенно мнѣ неизвѣстны!

Россіянинъ. По симъ словамъ я довольно познаю древняго Грека. Всѣ чужестранцы представлялись въ вашихъ очахъ варварами, не исключая изъ того даже и самыхъ Египтянъ, коимъ вы обязаны были источникомъ всѣхъ вашихъ познаній. Я не спорю, что въ древнія времена Турки ничего не знали, кромѣ науки покорять, да и нынѣ

нѣ, кромѣ науки сохранять свои завоеванія, ничего также не вѣдаютъ. Но Венеціяне, а наипаче Французы, сравнялись съ Греками болѣе, нежели въ одномъ, а во многомъ еще и превзошли оныхъ.

Периклъ. Это весьма прекрасное изображеніе; но я опасаюсь, не входитъ ли въ оное нѣсколько тщеславія. Скажи мнѣ, другъ мой, не Французъ ли ты?

Россіянинъ. Нѣтъ, я Россіянинъ.

Периклъ. Смѣло можно утвердиться, что съ того времени, какъ я обитаю въ Елисейскихъ поляхъ, жители всея земли имена свои перемѣнили. Я не болѣе слышалъ о Россіянахъ, какъ о Французахъ, Венеціянахъ и Туркахъ. Со всѣмъ тѣмъ показываемыя тобою свѣдѣнія заставляютъ меня догадыватъ-

 ся,

ся, что народъ вашъ есть весьма древній. Не происходитъ ли онъ отъ тѣхъ Египтянъ, о которыхъ ты недавно съ толикою похвалою мнѣ говорилъ?

Россіянинъ. Нѣтъ, мнѣ извѣстенъ оный народъ по однимъ только вашимъ историкамъ; чтожъ касается до насъ, то мы происходимъ отъ Скиѳовъ и Сарматъ.

Периклъ. Возможно ли, чтобъ потомокъ Сарматовъ и Скиѳовъ лучшее, нежели новый Грекъ, имѣлъ свѣдѣніе о состояніи древнія Греціи?

Россіянинъ. Тому не болѣе пятидесяти лѣтъ, какъ мы услышали о Египтянахъ, Грекахъ и Сарматахъ. Одинъ изъ нашихъ Государей, будучи одаренъ великимъ остроуміемъ, предпріялъ изгнать невѣже-

жество изъ областей своихъ, и вскорѣ послѣ того увидѣли въ оныхъ художества, науки, Академіи и зрѣлища. Мы познали исторію всѣхъ народовъ, да и собственная наша всеобщаго удостоилась вниманія.

Периклъ. Я согласенъ, что къ произведенію таковыхъ преображеній потребно Государю имѣть только волю и отважность; но еще болѣе удостовѣренъ въ томъ, что я много потратилъ времени. Я надѣялся учинить имя мое безсмертнымъ, но вижу вмѣсто того, что оно и въ собственной моей странѣ давно уже забвенно.

Россіянинъ. Къ утѣшенію твоему скажу, что оно извѣстно за то въ моемъ отечествѣ; и я весьма въ томъ увѣренъ, что ты никакъ сего не ожидалъ.

Периклъ. Признаюсь, однако я не могу удержаться, чтобъ не сожалѣть, что Аѳины забыли все, что я для нихъ ни сдѣлалъ. Я иду для утѣшенія себя бесѣдовать съ Озирисомъ, Миносомъ, Ликургомъ, Солономъ и всѣми оными законодавцами и государствъ основателями, коихъ дѣянія и правила, подобно какъ и мои, преданы забвенію. Я вижу, что наука есть такое свѣтило, которое не въ одно время изливаетъ свое блистаніе на всѣ части земнаго шара, но постепенно одну послѣ другой освѣщаетъ. Въ одной странѣ наступаетъ ночь тогда, какъ въ другой показывается день.

IV.

Воспитаніе дѣвицъ, или разговоръ Мелинды и Софроніи.

Мелинда. Эрастъ отселѣ вышелъ, и ты погрузилась въ глубокую задумчивость. Онъ молодъ, пригожъ, уменъ, любезенъ. . . почему я и позволяю тебѣ задумыватсься.

Софронія. Признаюсъ, что онъ все то имѣетъ, о чемъ ты упоминала.

Мелинда. Сверьхъ же того онъ тебя и любитъ.

Софронія. Признаюся и въ этомъ.

Мелинда. Я думаю, что и ты къ нему не нечувствительна?

Софронія. Это третье признаніе, которое дружество мое учинить тебѣ не опасается.

Мелинда. Прибавь еще и четвертое: я вижу, что ты скоро выдешь за Эраста замужъ?

Софронія. Скажу тебѣ съ таковымъ же чистосердечіемъ, что я никогда за него не выду.

Мелинда. Какъ! не уже ли матушка твоя попротивится толь выгодному союзу?

Софронія. Нѣтъ, она избраніе жениха оставляетъ на мою волю. Я хотя и люблю Эраста, но никогда за него не выду.

Мелинда. Какую же причину можешь ты имѣть такъ себя мучить?

Софронія. Опасеніе, чтобъ не быть мучимою другимъ. Эрастъ уменъ, но умъ его надмѣненъ и язвителенъ; онъ пригожъ, но вскорѣ пріятности его будутъ не

не для меня, а для другой; я же не могу быть соперницею которой либо изъ тѣхъ особъ, кои прелестьми своими торгуютъ; кои покупающихъ оныя по нещастїю награждаютъ блистанїемъ; кои половину города развращаютъ своею пышностїю, а другую раззоряютъ своимъ примѣромъ, и которыя явно торжествуютъ надъ нещастїемъ честнаго человѣка, доведеннаго оплакивать жизнь свою въ уединенїи. Я имѣю къ Эрасту пресильную склонность, но въ тонкость познала нравъ его, который съ склонностїю моею весьма несогласенъ: я хочу быть щастливою, а съ нимъ никогда таковою не буду; и такъ я выду за Ариста, котораго я почитаю и надѣюсь любить.

Мелинда. Ты весьма осторожна въ разсужденїи лѣтъ твоихъ.

Ма-

Мало такихъ дѣвицъ, которымъ бы опасеніе будущаго нещастія препятствовало наслаждаться настоящимъ. Какимъ образомъ могла ты толико владѣть своими страстями.

Софронія. Не довольно къ тому одного только разума: я этимъ обязана и воспитанію, отъ матушки мною полученному. Она воспитывала меня не въ монастырѣ; ибо я не къ тому была рождена, чтобъ быть постриженною. Мнѣ весьма жалки тѣ дѣвицы, которыя въ цвѣтущей своей младости препоручаются отъ матерей монахинямъ, такъ какъ и младенчество ихъ ввѣряется попеченію наемныхъ кормилицъ. Я знаю, что въ оныхъ монастыряхъ, равно какъ и во всѣхъ почти училищахъ, въ коихъ воспитываются молодые люди, обучаютъ только

тому,

тому, что должно на цѣлую жизнь предать забвенію. Самое начало прекрасныхъ вашихъ дней погребаютъ въ безуміи. Вы для того только освобождаетесь изъ вашей темницы, чтобъ обѣщанною быть незнакомцу, который приходитъ за рѣшеткою васъ разсматривать; каковъ бы онъ ни былъ, но вы тогда почитаете его своимъ освободителемъ, и называете себя весьма щасливою, хотя бы впрочемъ онъ хуже былъ самыя обезьяны. Вы вручаете ему себя, ни мало его не зная, и живете съ нимъ, не чувствуя къ нему нималѣйшія склонности. Это такой бываетъ торгъ, который производится безъ васъ, и вскорѣ послѣ того слѣдуетъ съ обѣихъ сторонъ раскаяніе.

Матушка почла меня достойною того, чтобъ я сама о себѣ

помышляла и сама бы для себя избирала супруга. Естьли бы я родилась въ бѣдномъ состоянiи, она научила бы меня приличнымъ полу моему рукодѣлiямъ; но рожденной жить въ обществѣ она заблаговременно открыла мнѣ все, до онаго принадлежащее: она просвѣтила мой разумъ, заставя меня остерегаться претикновенiй остроумiя; возила меня по всѣмъ избраннымъ зрѣлищамъ, которыя могутъ изощрять вкусъ безъ поврежденiя нравовъ; въ которыхъ представляются болѣе опасности страстей, нежели ихъ прелести; гдѣ царствуетъ благопристойность, и гдѣ обучаютъ мыслить и изъясняться. Трагедiя часто казалась мнѣ училищемъ великодушiя, а комедiя благопристойности. И смѣю сказать, что сiи наставленiя, почитающiяся однимъ только препровожденiемъ времени, болѣе мнѣ возпользовали, нежели кни-

книги. НаконецЪ матушка всегда почитала меня такЪ какЪ мыслящее существо, котораго душу надлежало образовать; а не какЪ куклу, которую наряжаютЪ, показываютЪ и чрезЪ минуту послѢ того запираютЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

